

В. Д. Ермаков

**Российские анархисты
в палитре бурных событий Гражданской войны 1918–1920 гг.**

В статье речь идет об участии анархистов в Гражданской войне. Описан ряд эпизодов с участием анархистских отрядов на различных фронтах Гражданской войны в 1917–1920 гг.

Ключевые слова: Гражданская война 1918–1920 гг., Красная армия, Белая гвардия, анархисты, участие матросов в Гражданской войне, участие уголовников в Гражданской войне

Vladimir D. Ermakov

**Russian anarchists
in the palette of the tumultuous events of the Civil war of 1918–1920**

The article is about the participation of the anarchists in the Civil war. Describes a number of episodes with the participation of anarchist groups on the various fronts of the Civil war in 1917–1920

Keywords: anarchists, Red army, White guard, participation of sailors of Civil war, involvement of criminals in Civil war, Civil war of 1918–1920

За многовековую историю российского государства в его судьбе были глобальные события позитивного характера и потрясения, оставившие глубочайшие раны, последствия которых долгие десятилетия давали о себе знать. В новейшее время одним из таких событий стала Гражданская война 1918–1920 г. г. Первая мировая война 1914–1918 г. г., две российские революции 1917 г. привели в движение многомиллионные массы российских граждан, которые осознанно и не вполне осознанно, в составе многочисленных партий и движений под знаменами белого, красного, зеленого, черного и других цветов, вступили в кровавые события одной из самых масштабных и жестоких гражданских войн в истории человечества.

При этом, и это надо особо подчеркнуть, Гражданская война не была явлением, где все ее дни и месяцы проходили лишь кровавые бои и совершались безумные преступления, хотя, естественно, что они были и носили весьма массовый характер. Война была частью обыденной жизни, которая, несмотря ни на какие негативные ее последствия, а это были голод, жуткие лишения и болезни, продолжалась и брала свое. Сторонники анархистских взглядов в нашей стране, как и представители ряда других политических движений, внесли свой неповторимый вклад в революционные события Гражданской войны, оставили неизгладимые впечатления в памяти современников.

На момент эпохальных событий 1917 г. анархистское движение в России представляло собой мало кем заметное и политически практически не видимое и не движимое явление. И это притом, что в период революционных событий 1905–1907 гг. анархизм представлял собой весьма заметное и

активное политическое движение. В исторической литературе до сих пор ведется спор по вопросу о количестве участников анархистского движения в стране, однако установить более или менее точную цифру действовавших в стране анархистов вряд ли удастся, так как учет анархистов никогда не велся, никакие списки участников движения не составлялись, потому что по природе своей анархисты всегда были и остаются противниками такого учета и контроля ввиду полного отрицания ими партийности, т. е. наличия четкой программы, устава, членства в партии и т. д.

Пережив взлет своего движения, а в 1907 г. анархистские группы заявили о себе деятельностью более чем в 100 городах Российской империи, российский анархизм стал вновь заметным явлением накануне Февральской революции 1917 г., заявив о своем существовании в 12 городах страны¹.

Максимально используя своих политических союзников – анархистов, в февральские и октябрьские дни 1917 г. большевики, придя к власти, стали проявлять все большую нетерпимость в отношении сторонников свободы личности и антигосударственности. Рост анархистских настроений, в основном стихийного характера, среди значительного числа городских деклассированных элементов, а также рабочих, солдат и матросов бывшей царской армии и флота таил в себе серьезную опасность для большевистского руководства, стремившегося к усилению своего влияния в стране и к укреплению позиций своей партии. Постепенно, на протяжении нескольких месяцев конца 1917 – начала 1918 г., от политики лояльности и терпимости по отношению к анархистам большевики перешли к арестам их лидеров, закрытию анархистских газет

и журналов, разгрому центров так называемого «анархо-бандитизма».

На руку своим политическим противникам играли и сами анархисты, практически не обращавшие внимания на качественный состав пополнения своих рядов. Лишь с немногими анархистами и воинскими частями, находившимися под их влиянием, большевики сотрудничали, да и то, в основном, в начальный период Гражданской войны.

После октября 1917 г. примитивно понятые и вульгаризированные идеи М. А. Бакунина о бунте и П. А. Кропоткина о немедленном переходе к безвластию были взяты на вооружение многими, в большинстве своем слабо или совсем теоретически не подготовленными анархистами, примкнувшими к движению после свержения царизма, что незамедлительно привело к проникновению в анархистское движение массы люмпенов и уголовных элементов, понимавших анархизм как хаос, вседозволенность, полное отсутствие дисциплины. Это компрометировало анархистское движение и его лидеров, однако терпимость идейных анархистов к пополнявшим их ряды случайным лицам продолжалась.

Странное, если не сказать больше, отношение анархистов к дисциплине, признаваемой в теории, да и то расплывчато, а на практике, в основном, отрицаемой, приводило анархистское движение в годы Гражданской войны к серьезным осложнениям, вызывавшим резкое падение престижа, или, говоря современным языком, имиджа российского анархизма.

М. А. Бакунин считал, что «известная дисциплина, не автоматическая, но добровольная и продуманная, прекрасно согласуется со свободой индивидов, необходима и всегда будет необходима, когда многие индивиды, свободно объединившись, предпримут какую-нибудь работу или какие-либо коллективные действия»². Уже в этом высказывании основоположника российского анархизма много неясности. В эпоху же Гражданской войны, когда встал вопрос о несколько иной – воинской – дисциплине, его последователи еще больше запутались в теоретизировании по этому поводу.

В издаваемой анархистами газете «Буревестник» весной 1918 г. утверждалось следующее: «Сознательная готовность к революционному подвигу может получиться как результат деятельного самоусовершенствования, организованность и внушительность планомерных действий как продукт широкой самоопределяющейся деятельности и объединяющегося вокруг общего живого дела широких масс красноармейцев, никакими уставами, никакой искусственной в рамках устава уложенной дисциплины, под каким бы соусом ее ни подавали, не способны создать эту живую, мыслящую, сознательно на смерть идущую боевую силу»³.

Не внесли ясности в этот вопрос и последующие работы анархистов. Например, в журнале «Голос труда», выходявшем с 1919 г., подчеркивалось, что разложение Красной армии «...вызывает необходимость в создании новых форм организации вооруженных сил – вольных полков революции, основываясь на добровольных побуждениях глубоко осознанных стремлений к организованной целостной вооруженной защите социальной революции, связанных общими действиями всех организованных вооруженных сил»⁴.

Анархисты разных течений приступили повсеместно к формированию отрядов «Черной гвардии». Газета «Анархия» в статье анархиста Александра «Черная гвардия» сравнивала эти отряды и боевые дружины с чем-то «...вроде новгородской вольницы или первых русских революционных дружин, действовавших когда-то на Волге и Дону»⁵, придавая анархический характер дружинам Степана Разина⁶.

Отношение некоторых идейных анархистов к участию в вооруженной борьбе было просто наивным. Вот, например, какое решение в марте 1918 г. принял совет Московской федерации анархистских групп: «Было высказано о нежелательности грубых форм борьбы с контрреволюцией и о желательности производить обыски и аресты с целью, главным образом, обезоруживания противника»⁷.

Многие анархисты взяли на вооружение лишь те лозунги движения и его идеологов, которые были им выгодны, как, например, такой тезис П. А. Кропоткина: «Пусть каждый берет сколько угодно всего того, что имеется в изобилии, и получает ограниченное количество всего того, что приходится считать и делить»⁸.

Да и дисциплину многие ура-анархисты в период боев понимали примерно так, как с ней дело обстояло в отряде известного в годы Гражданской войны матроса-анархиста Порубаева: «Никакой официальной дисциплины в отряде установлено не было. Из обмундирования каждый брал столько, сколько ему заблагорассудится и обмундировывался, как только ему нравилось. Кроме того, каждый партизан получал в сутки по двадцатирублевой керенке, в виде жалованья... суточные умудрялись получать по 2–3 раза»⁹. Один из анархистов, делясь впечатлениями о командире отряда матросе Порубаеве, с восторгом рассказывал, «что лучшего начальника, чем Порубаев, никто в отряде и не желает. Лучше даже трудно придумать: ни с кого ничего не требует. Настоящий анархический начальник»¹⁰.

Имевшие определенное влияние среди матросов Черноморского флота, анархисты внесли свою лепту в самосуды и разложение Черноморского флота. Весьма образно о ситуации в Крыму в последний месяц 1917 г. написал М. Волошин:

Феодосия представляла в эти дни единственное зрелище: сюда опоражнивались Трапезундская армия, сюда со всех берегов Черноморья стремились транспорты с войсками и беженцами, как в единственный открытый порт...

В те дни спасались в нем народы:

Затравленные пароходы
Врывались в порт, тушили свет,
Причаливали, швартовались,
Спускали сходни, выгружались
И шли захватывать Совет.
Пестрели бурки и халаты,
И пулеметы, и штыки,
Румынские большевики
И трапезундские солдаты,
«Семерки», «Тройки», «Румчерод»,
И «Центрослуж» и «Центрофлот»,
Полки одесских анархистов
И анархистов-коммунистов,
И анархистов-террористов –
Специалистов из громил.
В те дни понятия так смешались,
Что Господа буржуй молил,
Чтобы Совет их охранил,
Чтобы у власти продержались
Остатки большевистских сил...¹¹

Большинство так называемых «идейных» анархистов было скромными людьми, бесконечно преданными служению анархистским идеалам. Они совсем не стремились ни своим поведением, ни одеждой как-то выделиться из общей массы населения. Но вот ура-анархисты, воспринимавшие это учение поверхностно, вели себя совершенно иначе. Красноречивее любых слов художественных произведений говорят об этом воспоминания многих очевидцев событий, протекавших в годы Гражданской войны, активнейшими участниками которых были и анархисты.

Можно привести несколько примеров. Вот описание известной в годы Гражданской войны анархистки М. Г. Никифоровой, или «Маруси», как звали ее в народе: «По улице с бешеной скоростью мчится экипаж. Небрежно развалясь, сидит в нем молодая брюнетка в заливчатски одетой набекрень кубанке, рядом, повиснув на подножке, плечистый парень в красных гусарских рейтузах. Брюнетка и ее телохранители увешаны оружием. Чего здесь только нет! Сабли, маузер в деревянной кобуре, ручные гранаты...»¹².

Весьма наглядный пример действий и вида анархистов дают воспоминания одного из очевидцев событий весны 1918 г. в Ростове-на-Дону:

В эти дни горячка организации органов власти и в то же время появление анархистов.

Маруся... «Испанцы» в длинных волосьях и в черных пелеринах... Из-за поясов торчат дула больших кольтов и, рукоятками кверху, в карманах бомбы. К этим налетным друзьям присоединились некоторые братишки в клешах с золотыми браслетами на руках, сжимавших чудодейственную «бутылочку»...

– Братишки, сторонись!

Клеш в цилиндре тащит за собой Максимку и устанавливает на углу Таганрогского.

– Наша взяла!

– Оцепили?

– Готово!

– Та-та-та-та...

– По Донскому областному исполкому!

– Готово!

– Крой их б...!¹³

А вот пример того, как обстояло дело с воинской дисциплиной в анархистских отрядах на фронте под Одессой весной 1918 г. К этому времени в Одессе находилось много разных анархистских отрядов, однако только один из них – Одесский отряд террористов – выехал на фронт, где участвовал в тяжелых боях на подступах к городу. При этом 28 человек в отряде были ранены. Казалось бы, что неплохо зарекомендовавший себя отряд должен и дальше также храбро сражаться с австро-германскими войсками, однако этого не произошло. Одесский отряд террористов самовольно покинул позиции, посчитав свою задачу выполненной и, нисколько не смущаясь, во всеуслышание заявил в печати о своих подвигах: «Остатки 2-го Одесского отряда террористов, доблестно исполнившие свой долг перед революцией и родиной, прибыли в г. Одессу для отдыха и пополнения...»¹⁴.

При этом анархистов нисколько не заботило, что оголенный ими участок фронта необходимо было каким-то образом защитить. Им было совершенно безразлично, есть ли в городе лазареты, хватает ли медикаментов. В ультимативной форме одесские анархисты потребовали, чтобы раненые бойцы отряда были «приняты беспрепятственно во все лазареты, куда они направляются по своему усмотрению»¹⁵.

О том, во что превратились некоторые матросские отряды под влиянием анархистов и иных обстоятельств, говорит эпизод, произошедший в августе 1918 г. под Казанью. Емко и четко о нем говорится в приказе Главнокомандующего Восточным фронтом И. И. Вацетиса и члена Революционного Военного Совета К. А. Механюшина № 50: «2-го августа Казанский социалистический батальон моряков получил боевой приказ выступить из Казани на позицию для обороны устья Камы. В ответ на этот приказ представители батальона в лице командира батальона и политического комиссара явились ко

мне и заявили решение общего собрания моряков о возможности выступить на позиции лишь по удовлетворении их вперед жалованием на месяц, провизией, боевыми припасами и т. д. Мною было приказано немедленно их всем этим удовлетворить и утром 3-го августа отправить на позиции. Этот приказ не был выполнен. Обнаружилось, что вследствие разгульной жизни в батальоне моряков оказалось много больных венерическими болезнями, неспособных выступить в поход. Батальон моряков, имея по списку около 500 человек, выступил через два дня после назначенного срока в составе около сотни человек. Узнав у дер. Нижний-Услон о бегстве нашей Волжской флотилии, Казанский социалистический батальон моряков присоединился к беглецам и вместе с последними покинул Казань, убежав на пароходе вверх по Волге, и никакого участия в боевых действиях под Казанью и на ее подступах не принимал. За неисполнение боевого приказа предается военно-революционному трибуналу командир означенного батальона и политический комиссар. Батальон же за столь позорное поведение расформируется»¹⁶.

Многие матросские отряды на начальном этапе Гражданской войны не очень точно и обязательно стремились выполнять приказы вышестоящего начальства и зачастую «колесили» с фронта на фронт. При этом большинство этих отрядов ждала судьба отряда матроса Полупанова: «Черноморский, летучий, республиканский, истребительный отряд моряков! И это еще не полное его название... его ядро – действительно черноморские матросы; отличные товарищи, великолепные бойцы, участники небезызвестного на Дону отряда Полупанова, носившего почетные флотские ленточки. Но это было очень давно; полгода тому назад. Отброшенные с низовьев Дона партизанские и красногвардейские отряды не все сумели влиться в войсковую организацию Красной армии... И не мудрено, что возникли товарищеские боевые группы, выбиравшие по своей воле ближайшую судьбу и... маршрут. С Дона перекинулись на Волгу, по Волге – в Астрахань. А по пути „обросли бродячим элементом всякой породы“... Месяца через два „республиканцы“ были отправлены на фронт, где в атмосфере Кизлярского винного района были со скандалом расформированы»¹⁷.

Любопытно, что многие матросские отряды только на словах и по форме были матросскими, а на деле оказывались зачастую мало похожими на действительно революционные части. Так, в июле 1918 г. Ставропольский губернский Исполком разоружил бесчинствующий матросский батальон. В ходе проверки его личного состава оказалось, что в батальоне матросов было только 18 человек, «а остальные – подозрительный сброд, причем у

многих не было никаких документов, хотя все были одеты матросами»¹⁸.

Интересный факт сотрудничества анархистов и уголовников в годы Гражданской войны имел место летом 1919 г. в Одессе, оказавшейся практически во власти разноликих уголовных банд, многие из которых действовали под видом весьма популярных местных анархистов. Не проходило и дня, чтобы в каком-либо районе не совершалось под их именем грабежа и убийства. Видя все это, анархисты обеспокоились и вскоре распространили обращение, которое стоит того, чтобы его привести полностью:

К ворам и налетчикам!

Совет Федерации анархистов Одессы обращается к Вам с просьбой и предупреждением. Вас мы считаем продуктом тех проклятых условий строя эксплуатации и насилия, которые созданы буржуазией и охраняются сейчас только продажной бандой наемного белогвардейского офицерства да чужеземными штыками.

Если буржуазия страдает от вашей деятельности, тем хуже для нее – она пожинает сейчас то, что сама посеяла, и уже не наше дело ее защищать.

В новом коммунистическом обществе, на борьбу за создание которого мы зовем пролетариат России и всего мира, все будут всем, не будет частной собственности, не будет богатых и бедных, не будет тогда места грабегам и налетам.

В этой нашей борьбе с капиталом и властью, продолжающейся уже много лет, лучшие, достойнейшие сыны нашего класса обездоленных и угнетенных сложили свои головы, раньше в петле и на плахе, а сейчас у стенки.

Во имя святого дела освобождения трудящихся, за которое гибли и гибнут наши товарищи от рук палачей в расцвете силы и здоровья, Совет Федерации анархистов предлагает всем немедленно прекратить возмутительные безобразия, которые за последнее время имели место в вашей среде, прекратить злоупотребления памятью героев-революционеров, прекратить требования денег от имени анархистов.

В то же время Совет Федерации анархистов предупреждает тех из вашей среды, у которых ничего святого уже не осталось, на которых никакие призывы рабочих и революционеров не действуют более; всех тех, которые будут продолжать денежные вымогательства производить дорогим именем анархизма – они для нас те же паразиты-буржуи, заботящиеся только об одном, как бы плотнее набить свои карманы, тех мы в последний раз предупреждаем, что уличенные в злоупотреблении нашим именем, они будут тут же, на месте, расстреливаться нами.

Одесская Федерация анархистов¹⁹.

Естественно, никакие воззвания анархистов не помогли нормализовать обстановку в городе. Налеты и грабежи продолжались.

И вдруг в Одессе стало тише и спокойнее. Дело в том, что известный одесский рецидивист Мишка Япончик обратился к одесскому чекисту Ф. Т. Фомину с просьбой организовать отряд, который под его командованием вступил бы в Красную армию и сражался бы против денкинских войск. Предложение это было, на первый взгляд, просто фантастическим, но только не для тех, кто знал, что в то время представляли из себя одесские «блатные» и один из их наиболее авторитетных вожakov. Вот что писал позже в своих «Записках чекиста» Ф. Т. Фомин: «В распоряжении Мишки Япончика было, по меньшей мере, несколько тысяч человек. Он имел личную охрану. Появлялся где и когда вздумается. Везде его боялись и потому оказывали почести прямо-таки королевские. Его называли „королем“ одесских воров и грабителей»²⁰.

К Ф. Т. Фомину Мишка Япончик явился со своим адъютантом: «Через несколько минут у меня в кабинете в сопровождении чекиста Доброго появляются два человека. Оба среднего роста, одеты одинаково, в хороших костюмах. Впереди скуластый, с узким, японским разрезом глаз молодой мужчина. На вид ему лет 26–28»²¹. Пообещав, что одесские налетчики перестанут заниматься грабежами ввиду вступления в город частей Красной армии, Мишка Япончик заявил следующее: «Я пришел не каяться. У меня есть предложение. Я хотел бы, чтобы мои ребята под моим командованием вступили в ряды Красной армии. Мы хотим честно бороться за Советскую власть. Не могли бы вы дать мне мандат на формирование отряда Красной армии? Люди у меня есть, оружие тоже, в деньгах я не нуждаюсь»²². Ф. Т. Фомин доложил о столь необычной просьбе командующему 3-й Украинской советской армией Н. Худякову, который, после продолжительного обдумывания просьбы Мишки Япончика, вместе с членами РВС армии Я. Гамарником, Н. Голубенко и А. Датько-Фельдманом (анархистом, тесно сотрудничавшим с большевиками) принял решение, как вспоминал об этом Ф. Т. Фомин, «разрешить Винницкому – такова была настоящая фамилия Мишки Япончика – сформировать отряд, а политотделу армии прикрепить к отряду командиром и членом партии для идейно-воспитательной работы»²³.

Трудно сейчас точно сказать, чем руководствовало командование 3-й Украинской советской армией, но, вероятнее всего, побуждающим мотивом явилась вера анархистов и коммунистов в то, что и преступники могут ис-

правиться, сражаясь за интересы своего народа, если они этого искренне хотят, и тем самым сумеют окончательно порвать со своим прошлым. Возможно, что А. Датько-Фельдману и стоявшей за ним Федерации анархистов Одессы показалось, что воров и налетчики после опубликованного к ним обращения одумались и искренне хотят сражаться против войск интервентов и белогвардейцев. Как бы то ни было, а отряд вскоре был создан и насчитывал в своем составе около двух тысяч человек. Военным комиссаром отряда был назначен анархист А. Датько-Фельдман.

Однако серьезным образом заниматься военной подготовкой ни сам Мишка Япончик, ни его дружки не собирались. Командиру отряда больше нравилось маршировать по центру Одессы во главе своего войска. Несмотря на это, советское командование решило отправить отряд на фронт в связи с осложнившимся там положением и требованием сражавшихся частей новых подкреплений. Личному составу отряда было разрешено провести прощальный «семейный вечер» в помещении консерватории. Как писал об этом Ф. Т. Фомин, «некоторые наши командиры заинтересовались этим банкетом и пошли посмотреть. Среди гостей было много женщин из тех, которые раньше помогали своим друзьям: прятали и сбывали краденые вещи и ценности. Разодеты они были в шелковые платья ярких цветов. На многих сверкали драгоценности. На сцене и в зале стояли длинные столы. Все было сделано на широкую ногу, с шиком, с явным желанием поразить, блеснуть. Обилие вина, закусок, фруктов. Мишка Япончик восседал в середине, на самом почетном месте. „Семейный вечер“ длился до утра»²⁴.

После столь шикарного бала отряд трижды собирался грузиться в эшелон для отъезда на фронт, и трижды уголовные горе-воинки разбежались. В конце концов, Мишке Япончику удалось погрузить в эшелон около тысячи человек и привезти их под Винницу, где полк (а именно так стала называться столь своеобразная воинская единица) прибыл в распоряжение 45-й стрелковой дивизии, которой в то время командовал И. Я. Якир. По свидетельству начальника политотдела дивизии А. Гринштейна, полк с внешней стороны производил отличное впечатление: «одних пулеметов было... сорок с лишним штук (по тем временам – очень много). Политическая часть также произвела выгодное впечатление: большая библиотека, основная и передвижная, граммофоны с агитационными пластинками – все новенькое, чистенькое»²⁵.

У командования дивизии имелись серьезные опасения в отношении боеспособности одесского полка и возникали мысли о его разо-

ружении, но комиссар полка, анархист А. Датько-Фельдман ручался за его боеспособность, хотя несколько и сомневался в его политическом поведении (весьма интересно было бы нам сейчас узнать, о каком именно политическом поведении одесских «блатных» могли говорить большевики и анархисты в то время).

Как часто бывало в период Гражданской войны, перед тем как отправить полк Мишки Япончика на боевые позиции, состоялся парад части. По словам А. Гринштейна, принимавшего его: «Зрелище было довольно любопытное. В ответ на мои приветствия последовала речь Япончика, примерно такого содержания: „Мы, мол, воры и налетчики, но то было при старом режиме, а при советах мы станем передовыми бойцами“ и так далее и тому подобное в этом роде. Все дружно кричали „ура“. Торжество, однако, было омрачено донесением о налете молодчиков из полка Япончика на жителей Бирзулы»²⁶.

К сказанному стоит добавить воспоминания еще одного из очевидцев парада, повествующего о внешнем виде полка: «Это было умопомрачительное зрелище. Синие, голубые и красные галифе, лакированные сапоги и модные туфли, офицерские кителя и гражданские пиджаки, сюртуки, фуражки, кепки, папахи... Люди увешаны патронташами, пулеметными лентами, за поясами торчат кинжалы, на портупях болтаются шашки, ниже колен свисают револьверы...»²⁷.

Полк Япончика все-таки выступил на фронт и, используя ручные бомбы, совершил удачную атаку. Однако после наступления ночи его личный состав, забрав все свое имущество, кроме винтовок, которые уголовники не любили использовать в бою и давно уже бросили, одесские горе-вояки бежали с фронта. На станции Вознесенск оплошавший Мишка Япончик был задержан и в силу того, что вел себя вызывающе, был застрелен комендантом станции²⁸.

В условиях Гражданской войны, когда столкнулись в жесточайшей схватке регулярные армии Белых и Красных, основой которых была жесткая дисциплина, анархисты, с их полным отрицанием жестких организационных форм, повсеместно стали терпеть фиаско. Виной этому были как их организационная расхлябанность, так и стремление большевистских лидеров как можно скорее устранить своих политических противников, их влияние на вооруженные силы. Отдельные же анархисты, тесно сотрудничавшие с большевиками и, как правило, вступившие в ряды большевистской партии, в дальнейшем

занимали весьма высокие должности. В период массовых политических репрессий конца 30-х гг. практически все бывшие участники анархистского движения в нашей стране были уничтожены. Новая волна возрождения анархистского движения в нашей стране пришла на конец 80-х гг. XX в.

Примечания

¹ См.: Крас. арх. 1926. Т. 4 (17). С. 34; Корноухов Е. М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981. С. 85; Очерки истории анархического движения в России. М., 1926. С. 322.

² Бакунин М. А. Избранные сочинения. М., 1922. Т. 2. С. 21.

³ Буревестник. 1918. 19 апр.

⁴ Голос труда. 1919. № 1. С. 14.

⁵ Анархия. 1918. 7 марта.

⁶ Там же. 10 марта.

⁷ Там же. 6 марта.

⁸ Цит. по: Пирумова Н. Мятельный князь // Аргументы и факты. 1990. № 40. С. 5.

⁹ Чуднов М. Н. Под черным знаменем: зап. анархиста. М., 1930. С. 66.

¹⁰ Там же.

¹¹ Волошин М. Россия распятая // Юность. 1990. № 10. С. 27.

¹² Рошаль М. Записки из прошлого. М., 1969. С. 15.

¹³ Ранис-Кантовский А. Х. Отрывки воспоминаний // Каторга и ссылка. 1932. № 7 (92). С. 25.

¹⁴ Гражданская война: материалы. М., 1923. Т. 2. С. 41.

¹⁵ Там же. С. 70.

¹⁶ Берзин Р. И. Этапы в строительстве Красной армии. Харьков, 1920. С. 98.

¹⁷ Красная армия, 23 февраля 1918 – 23 февраля 1922. М., 1922. С. 31.

¹⁸ Головенченко Ф., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии, 1918–1920 гг. Ставрополь, 1928. С. 100–101.

¹⁹ Анулов Ф. Союзный десант на Украине // Летопись революции. 1923. № 5. С. 193–194.

²⁰ Фомин Ф. Т. Записки старого чекиста. М., 1962. С. 66–67.

²¹ Там же. С. 68.

²² Там же. С. 69.

²³ Там же. С. 71.

²⁴ Там же. С. 72.

²⁵ Гринштейн А. Из истории 45-й дивизии // Летопись революции. 1927. № 1 (22). С. 89.

²⁶ Там же. С. 89.

²⁷ Командарм Якир: воспоминания друзей и соратников. М., 1963. С. 77.

²⁸ Фомин Ф. Т. Указ соч. С. 72–73.